

Лев Гудков

Возвратный тоталитаризм

Том I

Новое
Литературное
Обозрение

2022

УДК 32.019.5
ББК 66.3(2Рос),15
Г93

Гудков, Л.
Г93 Возвратный тоталитаризм. В 2-х т. Т. 1. / Лев Дмитриевич Гудков. — М.: Новое литературное обозрение, 2022. — 816 с. (Серия «Либерал.RU»)

ISBN 978-5-4448-1740-7 (т.1)
ISBN 978-5-4448-1742-1

Почему в России не получилась демократия и обществу не удалось установить контроль над властными элитами? Статьи Л. Гудкова, вошедшие в книгу «Возвратный тоталитаризм», объединены поисками ответа на этот фундаментальный вопрос. Для того, чтобы выявить причины, которые не дают стране освободиться от тоталитарного прошлого, автор рассматривает множество факторов, формирующих массовое сознание. Традиции государственного насилия, массовый аморализм (или — мораль приспособленчества), воспроизводство имперского и милитаристского «исторического сознания», импульсы контрмодернизации — вот неполный список проблем, попадающих в поле зрения Л. Гудкова. Опираясь на многочисленные материалы исследований, которые ведет Левада-Центр с конца 1980-х годов, автор предлагает теоретические схемы и аналитические конструкции, которые отвечают реальной общественно-политической ситуации. Статьи, из которых составлена книга, написаны в период с 2009 по 2019 год и отражают динамику изменений в российском массовом сознании за последнее десятилетие. «Возвратный тоталитаризм» — это естественное продолжение работы, начатой автором в книгах «Негативная идентичность» (2004) и «Абортная модернизация» (2011). Лев Гудков — социолог, доктор философских наук, научный руководитель Левада-Центра, главный редактор журнала «Вестник общественного мнения».

В оформлении обложки использована гравюра Питера ван дер Хейдена по работе Ханса Бола «Притча о двух слепых», 1561. Рейксмузеум, Амстердам / Rijksmuseum, Amsterdam.

УДК 32.019.5
ББК 66.3(2Рос),15

© Л. Гудков, 2022
© Д. Черногаев, дизайн обложки, 2022
© ООО «Новое литературное обозрение», 2022

Содержание

Предисловие	7
-------------------	---

Раздел 1

ТЕХНОЛОГИЯ МАССОВОЙ КОНСЕРВАТИВНОЙ МОБИЛИЗАЦИИ

Ресентиментный национализм	41
После Крыма: патриотическая мобилизация и ее следствия	157
Технология негативной мобилизации	244
Структура и функции российского антиамериканизма: фаза мобилизации (2012–2015)	285

Раздел 2

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ РЕСУРСЫ РЕГЕНЕРАЦИИ РЕПРЕССИВНОГО СОЦИАЛЬНОГО ПОРЯДКА

«Доверие» в России: смысл, функции, структура	359
Человек в неморальном пространстве: к социологии морали в пост тоталитарном обществе	461
Время и история в сознании россиян	622

ПРЕДИСЛОВИЕ

*Если рука не ранена, яд можно нести в руке.
Яд не повредит не имеющему ран.
Кто сам не делает зла, не подвержен злу.*

Дхаммапада, 124

«Возвратный тоталитаризм» продолжает и завершает проблематику двух предыдущих книг — «Негативная идентичность» (2004) и «Аборттивная модернизация» (2011). Все три книги объединены общей темой, позицией, методологией. Цель — описать процессы регенерации тоталитарного режима, понять причины этих явлений. Если в первых двух основное внимание было уделено причинам и факторам консервативного сопротивления модернизации в России, то статьи этой книге объединены поиском ответа на вопрос: «Почему в России не получилась демократия?». Или, другими словами: «Почему в России не получилось установить контроль общества над властными элитами?». Очевидный ответ: «Никто не хотел этого, неставил такой задачи». Вытекающий отсюда вопрос: «Почему?» — единственно приемлемый вход в проблематику посткоммунистической России. На

нем сходятся самые разные линии «исторической логики» эволюции страны: традиции насилия, отсутствия сознания собственного (человеческого) достоинства, а значит, потребности в свободе и ее защите, культура самодержавия и страх перед последствиями революционных преобразований, массовый аморализм (или мораль приспособленчества), инерция институциональной структуры тоталитарного общества-государства, импульсы контрмодернизации, природа массового терпения, ресентимент и значимость имперского милитаризма, негативная селекция персонального состава правящей элиты и еще многие другие темы, которые следовало бы включить в общий список проблем, подлежащих научной разработке.

Статьи, составившие эту книгу, написаны за десятилетие, в 2009–2019 году. Они содержат анализ и интерпретацию результатов исследований массового сознания. Регулярные опросы общественного мнения, которые ведет «Левада-Центр» с конца 1980-х годов¹, указывали на то, что усиление авторитарного режима воспринимается скорее с одобрением, хотя и не всегда, и не всеми категориями населения. Периодически возникали ситуации (в 2005, 2009–2013, 2018 годах), отмеченные ростом недовольства и снижением поддержки «национального лидера», антипутинскими демонстрациями, но выраженного и сильно организованного политического сопротивления практически не было.

В России утвердилось представление, что опросы общественного мнения — это и есть социология. В каком-то смысле это верно, поскольку следов работы других предметных социологов не видно или они настолько не интересны публике, что не образуют общественно значимого

¹ До 2003 года этот научный коллектив именовался ВЦИОМ (Всесоюзный, после 1991 года — Всероссийский центр изучения общественного мнения). После того, как под давлением Администрации президента был уволен в нарушение всех действующих тогда законов директор ВЦИОМ Ю.А. Левада, все сотрудники ВЦИОМа перешли во вновь созданную некоммерческую организацию «Аналитический центр Юрия Левады» («Левада-Центр»).

факта, то есть их нет в общественном сознании. Можно сказать, что общество в России табуирует и вытесняет из сознания наиболее важные для себя проблемы, связанные с некрозом морального сознания, возникшим вследствие непреодоленного прошлого. Как говорил В. С. Черномырдин: «Надо же думать, что понимать!».

Данные социологических опросов общественного мнения — не лучший материал для анализа социальных процессов. По определению это будут самые общие и три-виальные, «осадочные» мнения людей о происходящем, многократно пересказанные и проинтерпретированные представления о событиях настоящего и прошлого, функционировании социальных институтов или действиях политических акторов. Это всегда результаты деятельности СМИ, прошедшие сквозь призму групповых интересов, механизмов групповой идентичности, массовой культуры, фильтры массовых иллюзий и страхов. Конечно, есть возможность анализа собранных данных в разных плоскостях: по социально-демографическим группам (пол, возраст, образование, тип поселения, социальный капитал, политические установки, мобильность или ценностные ориентации и т. п.), но работа только с подобного рода статистическими раскладками означает «слепое» классифицирование полученного на данный момент материала. Это еще не социология. Социологическая работа начинается тогда, когда мы включаем в анализ данных теоретические схемы их интерпретации и анализа, сами по себе не обусловленные этими данными, а вносимые при интерпретации в качестве скрытых предположений, гипотез, направленности анализа и др. А с этим в России проблема. Ни у социологов, ни у историков или антропологов, ни тем более у политологов нет теорий или концепций, которые могли бы служить инструментами анализа постсоветского социума, его структуры, разновременных пластов культуры, исторического опыта и т. п. Доминирующие в российских социальных науках подходы и концепции принципиально стерильны, тщательно избегают всего, что так или иначе не связано

с интересами обслуживания власть имущих или может в каком-то отношении задевать их. Общество, включая научное сообщество, не готово к такой работе по разным причинам, в том числе из-за отсутствия соответствующей культуры, знаний, запросов, интеллектуальной трусости, оппортунизма и пр. Другими словами, у как бы «образованного сообщества» в России действуют те же установки, что и у массы: приспособление к настоящему, то есть самоцензура или самокастрация специалистов в сфере социального и политического знания. Поэтому при нашем анализе данных опросов общественного мнения (исследований «Левада-Центра») мы вынуждены восполнять отсутствующие дисциплинарные или профессиональные разработки в смежных областях собственными конструкциями.

Почему «тоталитаризм» и почему «возвратный»? У большинства исследователей и публичных деятелей с «тоталитаризмом» ассоциируются в первую очередь понятия террора, массовых репрессий, концлагеря, геноцид — уничтожение этнических групп или социальных классов, мобилизационная идеология, монополия одной партии, диктатор и тому подобные признаки нацистского и коммунистического государства. Нет смысла отрицать значимость этих представлений, равно как и с ходу отвергать позицию тех, кто считает, что это понятие устарело, нагружено идеологическими предрассудками времен холодной войны, лишено дескриптивного потенциала, не адекватно реальности тех стран, которые послужили исходно материалом для построения этой теоретической модели. Все они, защищая свои ценности и свое видение мира, исходят из эссециалистской трактовки понятий социальных и исторических наук. Мне представляется более продуктивным не оспаривать такие подходы, а понимать их обусловленность определенной точкой зрения, не теряя тем самым то ценное, что достигается благодаря такой позиции. Поэтому я хотел бы подчеркнуть позитивные возможности этой парадигмы, а «тоталитаризм», вне всякого сомнения, научная парадигма, включающая

разные по времени своего появления и содержанию концептуальные трактовки подобных режимов, а значит, задачи их сравнительно-типологического анализа. Данный подход требует рассматривать подобные понятия как идеально-типологические конструкции в духе методологии Макса Вебера, то есть устанавливать смысловые связи между разными социальными явлениями и процессами (в свою очередь являющимися результатом значительной генерализующей проработки эмпирического материала, накопленных интерпретаций данных, предпринятых для проверки тех или иных гипотез и теоретических предположений). Иначе говоря, рассматривать их как продукцию длительной коллективной работы, историзировать любые понятийные инструменты такого рода.

Следуя этой посылке, я хотел бы подчеркнуть исходный смысл понятия «тоталитаризм», который возник в 1920-е годы в дискуссиях о природе и характере итальянского фашизма, советского коммунизма и нацизма в Германии, равно как и фашистских движений в разных странах Европы (Испании, Венгрии, Румынии и др.). То, что тогда в первую очередь бросалось в глаза даже не столько ученым, сколько публичным интеллектуалам — общественным деятелям, литераторам, публицистам — связано с беспрецедентной экспансией государства, захваченного подобными радикальными движениями, в сферы жизни общества, которые ранее не были предметом деятельности государства, регламентации, контроля, принуждения. Тоталитарные режимы упраздняли автономию и самостоятельность, независимость от власти социальных сфер общества — экономики (контроль над целями и интересами производства, распределением, трудовыми отношениями, финансовыми потоками), образования и воспитания молодого поколения, культуры, искусства и литературы, частной и повседневной жизни, религии, гражданского общества, науки, спорта, досуга и пр. Государство — все, ничего вне государства, государство — одна, единая железная воля, как утверждалось в «Доктрине фашизма» Дж. Джентиле

и Б. Муссолини. Террор и репрессии были производными от этой философии и практики тотальной, то есть претендующей на абсолютный диктат во всех областях общественной жизни, власти, а их масштабы и практики могли очень сильно различаться от страны к стране. Все, что противоречило императиву управления всем и вся, объявлялось «вражеским», «чуждым» «духу народа», «традициям», «интересам государства», подлежащим уничтожению или изоляции, вынесению за границы «единства» (нации, народа, государства). Любые идеи, гражданские образования, формы солидарности, социальные интересы, не совпадающие с «интересами государства», должны в таком контексте трактоваться как внесенные извне, иностранные, результат заговора врагов, агентов, подрывных сил или отсталых, неразвитых, несознательных, извращенных взглядов и убеждений. «Целое» в таких социальных системах задается только исходя из логики установления вертикально-иерархического социального порядка, венчаемого вождем, национальным лидером, «сувереном» (если использовать термин К. Шмитта), способным объявить чрезвычайное положение, отменяя тем самым предыдущие законы и нормы поведения и взаимодействия, и устанавливать свои законы и свой порядок.

2020 год начался с предложений Путина законодательно закрепить в Конституции режим своего пожизненного правления и таким образом окончательно ликвидировать результаты демократических реформ, начатых после краха СССР. То, как повели себя в этой ситуации российский «парламент», «Конституционный суд», разрешенные «политические партии» и региональные депутаты, лучше любых других аргументов показывает характер российского государства (и общества). Со всей возможной поспешностью и в нарушение базовых принципов действующей Конституции РФ (первых двух статей, не подлежащих корректировке) «поправки» были «утверждены» Госдумой, региональными депутатами, беспринципными судьями так называемого Конституционного суда и немед-

ленно вступили в действие. Сам стиль внесения, равно как и юридическая топорность сляпанных на скорую руку, противоречащих друг другу и положениям прежнего Основного закона изменений свидетельствует о том, что Конституция к настоящему моменту утратила какое-либо государственно-правовое значение, что путинский режим не считает себя связанным какими-либо нормами законов. «Номинальный Путин» присвоил себе статус и функции суверена, устанавливающего закон и определяющего, исходя из своих ситуативных представлений и интересов, что есть «право» и «закон», которому должны подчиняться его подданные.

Если массовое отношение к происходящему было скорее равнодушным, пассивным, хотя и не совсем однозначным¹, то среди образованной, тем более фрондирующей своей оппозиционностью публики эти заявления были восприняты как «конституционный переворот». Само по себе такое определение происходящего свидетельствует о неадекватности российской либеральной публики, продолжающей жить в своем иллюзорном мире «демократического транзита». Напротив, тем, кто не разбирается в тонкостях юридических формулировок предложенных поправок, кто далек от излишней веры в «легизм» российского законодательства и совестливость суда, общий смысл этих изменений был вполне понятен. Можно сказать даже, что именно те, кто и не пытался уяснить себе, как сочетаются новые положения с основными принци-

¹ Опросы общественного мнения показали, что респонденты разделились поровну на тех, кто готов проголосовать «за Путина» и принять «пакет» этих поправок, и тех, кто настроен против этих изменений: 47% опрошенных «Левада-Центром» в январе 2020 года объяснили это тем, что Путин собирается и дальше оставаться у власти. Мнения о том, как он должен поступить, разделились пополам: 46% полагали, что он должен уйти после окончания срока своего президентства, 45% — может «избираться» и оставаться на своем посту и дальше (URL: <https://www.levada.ru/2020/02/28/konstitutsiya-i-vsenarodnoe-golosovanie/>; URL: <https://www.levada.ru/2020/03/27/obshherossijskoe-golosovanie-po-popravkam-v-konstitutsiyu/>; URL: <https://www.levada.ru/2020/03/27/obnulenie-prezidentskih-srokov/>).

пами действующей Конституции, лучше и точнее воспринимают суть происходящего, чем образованная публика, растерявшаяся перед нагромождением конституционных новаций, юридически не согласованных ни между собой, ни с прежним корпусом Основного закона. Никто не скрывал смысла тех изменений в государственной системе, которые постепенно накапливались после того, как Путин был назначен преемником Ельцина. Бурная реакция образованного сообщества в интернете говорит лишь о том, что у этой публики (ценности которой разделяет и автор) иллюзии в отношении предопределенности демократического транзита власти и оптимистических сценариев развития страны полностью погасили способность к трезвому анализу социальных и исторических процессов¹. Российская Конституция 1993 года, и так далекая от стандартов демократии, потеряла свой статус Основного закона прямого действия уже в самом начале 2000-х годов, поскольку начиная с этого времени более половины ее статей не работали. Политическая (партийная) конкуренция фактически закончилась после президентских выборов 1996 года. Ее заменили внутренние интриги, комбинации группировок в закрытых сферах высшей власти и пропаганда в сочетании с политтехнологическими манипуляциями и использованием административных ресурсов на выборах (проще говоря, шантаж и принуждение избирателей к нужному голосованию).

Путинские поправки в текст Конституции об обнулении сроков президентства, усилившие зависимости су-

¹ Причиной этому — ограниченность интеллектуальных ресурсов, отсутствие достаточно широкой концептуальной рамки, в категориях которой можно было анализировать и объяснять происходящие после 1996 года процессы. Половинчатость или импровизационный характер реформ, проводившихся в первой половине 1990-х годов, стали препятствием для новой правовой концепции государства, которое должно было бы исходить из признания преступности советского (а не только сталинского) режима и необходимости радикального изменения исторической и правовой политики. Раз этого не было сделано, то российское общество обречено на регенерацию тоталитарного государства и его обновленной идеологии.

дейского корпуса от президента, встраивании низовых органов (которые по Конституции не относятся к государственным структурам) в вертикаль власти и еще множество контрабандных идеологических вставок, пред назначенных упразднить принцип недопустимости единой государственной идеологии, являются лишь завершением процесса, начатого в 2003–2004 годах. Делать вид, что этого нет или что «конституционный переворот» — полная неожиданность, недопустимо или недостойно.

То, что может (и должно) последовать за этим, ясно показывает практика борьбы с пандемией коронавируса, которая развернулась в марте 2020 года: отказ властей от политической ответственности «суверена» и государства в целом перед обществом, перекладывание на население издержек фактического введения чрезвычайного положения (одновременно с отказом в правовых нормах и гарантиях, действующих по закону о чрезвычайных ситуациях), демонстративное пренебрежение полномочиями других ветвей власти, цензура, тотальное полицейское всевластие, репрессии, страх, растерянность и покорность людей, лишившихся работы, а значит, средств к существованию и т. п.

Но вопрос о демократии в России, поставленный выше, остается. Чтобы ответить на него, надо (мне надо было) сначала освободиться от тех шор и стереотипов, которые предопределяют картину реальности российского образованного сообщества, его неискоренимую веру в прогресс, детерминизм модернизационных процессов и демократический транзит. Правильнее всего — в этом положении — было бы признать неискоренимость дурной человеческой природы или исходить из метафизики «банальности зла». Это позволило бы выйти из узких рамок российской злобы дня. Но это слишком радикальный для нашего состояния посыл. Такому кантовскому пессимизму сильнейшим образом противилось мое советское воспитание, 45 лет жизни при социализме, неистребимые надежды на выход страны из тоталитаризма. Утопические представле-

ния были основой групповой идентичности той научной или социальной среды, в которой я жил. Потребовались довольно значительные усилия для того, чтобы «взять в скобки» эти надежды, посмотреть на них как на иллюзии, как на ценности, идеологические и концептуальные представления, препятствующие ясному и трезвому видению реальности, произвести, как говорят феноменологи, операцию «эпохé»¹.

В 1980–1990-е годы такого рода убеждения (упования) были мотивами участия в политическом и общественном движении, но очень скоро, и тем более сегодня — в условиях возвращения несвободы — они стали доктринальными догмами нашей среды, превратились в основания для самолюбования и оправдания оппортунизма экспернского сообщества. Сотрудники «Левада-Центра» постоянно сталкиваются с агрессивным неприятием наших данных и непрофессиональными интерпретациями, характерным для части интеллигенции. Неспособность (или нежелание) понимать происходящее в некоторых случаях легко сочетается с обслуживанием власти в качестве экспертов, консультантов, но часто это всего лишь стремление к внутреннему комфорту и безмятежному существованию с нынешним режимом в качестве преподавателей, деятелей культуры, производителей информационного «контента». Но дело не в конформизме, самостерилизации, самоцензуре или упрямстве. За обычной (и очень распространенной) постановкой вопроса: «Можно ли или нет верить данным опросов общественного мнения?» — стоит массивный опыт тотального (институционального и межличностного) недоверия, характерного для тоталитарного сознания, отсутствие концептуальных представлений, позволяющих интерпретировать ответы респондентов в рамках соответствующих теоретических построений сложного общества. Идеи — фальсификации мнений или неправильной методологии опросов — не более чем (само)оправдание этой

¹ «Тьмы низких истин нам дороже / Нас возвышающий обман».

интеллектуальной беспомощности. При всей кажущейся «научности» такой постановки вопроса она — выражение конспирологической идеологии и популистской культуры, массовой психологии, уравнивающей университетских профессоров с фрустрированным обывателем.

Как считал Левада, Россия оказалась не способной решить три фундаментальные задачи, поставленные перед ней XX веком: разобраться с причинами и природой революции, провести и завершить модернизацию, осмыслить причины возникновения и живучести тоталитаризма.

Ответы на центральный для нас вопрос о демократии лежат в нескольких плоскостях анализа, различных по характеру ресурсов и сложности предпринимаемого объяснения:

1) Основной социальной группой, инициировавшей реформу коммунистической системы, и прежде всего ее главного института — планово-распределительной экономики, составлявшей материальную базу правящей элиты (высшей советской номенклатуры), было среднее звено бюрократии; никаких других социальных категорий, способных выдвинуть и проводить крупномасштабные изменения, не существовало; поэтому — в условиях отсутствия других социальных субъектов реформ — «победа демократов» естественным образом означала неготовность и нежелание сторонников демократизации, руководителей «партии реформ» (в широком смысле) к политике институционального самоограничения, созданию действенных институтов сдержек и противовесов *собственному* произволу. Лозунг «правовое государство» был провозглашен, но ничего не было сделано, чтобы связать эти декларируемые принципы с практическими интересами не только властных групп, но и населения, бизнеса, бюрократии¹.

¹ Не последнюю роль в оппортунизме «демократов» сыграло и то, что при всей своей риторике «правительства камикадзе», реформаторы не забывали о собственных материальных интересах. Здесь самое время вспомнить положение Макса Вебера о том, что характер институционализации социальных изменений определяется не только идеями, которыми руководствуется «штаб управления», идеальными мотивами

Причины этой близорукости заключаются в том, что сами реформаторы, как и группы их массовой поддержки, еще совсем недавно были частью этого государства, бюрократией средней руки — технической или гуманитарной «интеллигенцией», разделявшей значительную часть его идеологии.

2) Эти особенности реформаторского движения были причиной слабости поддерживающих его сил, что, в свою очередь, стало условием регенерации репрессивных и консервативных институтов, оставшихся после краха советской тоталитарной системы; поскольку не было понимания опасности, исходящей от репрессивных и силовых институтов, постольку не возникло осознанного сопротивления тоталитаризму; никто не был озабочен проблемой создания механизмов защиты от них. Самоуверенность реформаторов, убежденных государствников, полагающих, что они как техники государственной машины в состоянии использовать исключительно в своих интересах спецслужбы, армию и другие репрессивные институты, контролировать их, обернулась тем, что очень скоро, буквально через два-три года, они сами оказались заложниками этих структур (примеров тому множество).

3) Приписывание «демократами» своих интересов, мотивов и представлений о реальности всему «населению», «обществу», «массе», вызванное не только эгоизмом или эгоцентризмом реформаторов, но и слабым фактическим, в первую очередь социологическим знанием советского общества, означало одновременно вытеснение целого ряда неудобных для них фактов: понимания того, что три четверти населения — это колхозники, крестьяне в недавнем прошлом или дети крестьян, мигранты в город в первом или втором поколении, то есть это че-

(идеями, этикой, убеждениями, престижем, стремлению к власти и влиянию), но и вполне материальными интересами его членов (обеспечения, выгоды, сохранения статуса и т. п.). См.: Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriss der verstehenden Soziologie. 5 Aufl. Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1972. Kap. III. S. 142–176.

ловеческий массив, не просто обладающий ограниченными культурными и образовательными ресурсами, но люди, пережившие самые тяжелые — если учитывать разные социальные категории — потери, социальные, словесные ломки и катастрофы в XX веке: раскулачивание, коллективизацию, голод 1930-х и 1940-х годов, абсолютное гражданское бесправие и насилие, потери мужского населения во Второй мировой войне и примыкающих к ней военных конфликтах. Доминантой политической культуры постсоветского общества была и остается в настоящее время специфика жизненных установок: ориентация на пассивное приспособление к произволу властей, выбор стратегии *понижающей адаптации*, характерный как для любых неправящих элит и авторитетных в своей области групп (интеллектуальных, культурных, научных, бизнеса, медийных, экспертного сообщества в целом), так и для всего населения. Осознание природы этой пассивности предполагает понимание фундаментального и неразрешимого противоречия массового общества советского типа, а именно того факта, что смутное ощущение несправедливости или бесчеловечности повседневных практик тоталитарного государства никогда не перешло в массовое признание преступного характера этого государства. Напротив, сама длительность существования и безальтернативная тотальность советского государства, захватывающего все сферы жизни — работу и семью, потребление, досуг, образование и воспитание, культуру, религию, идеологию, мобильность — порождало чувство привыкания и восприятие этого образа жизни как «нормы», «нормальности» такого социального порядка, легитимности привычной, а потому как бы «своей» власти. Последовательная политика вытеснения прошлого, как и уничтожение явных или потенциальных несогласных или носителей другого типа сознания и культуры, облегчала новое колхозное закрепощение общества после переворота 1917 года и Гражданской войны. Классовый террор и чистки 1920-х годов, коллективизация, ГУЛАГ,

искусственный голод, принудительная нищета, милитаризация повседневной жизни и опустошительные войны, унесшие миллионы жизней (в основном сельского населения), разрушили основания для возможности появления гражданского общества и соответствующего типа морали, солидарности, групповой идентичности¹. Коллективная идентичность могла утверждаться как легитимная только сознанием принадлежности к государству, соответственно, отказом от совести и личной ответственности. Рутинное насилие, капиллярная структура принуждения воспринимались как безальтернативное и неизменяемое состояние жизни, что извращало всякое представление о морали, уничтожало идею свободы, прав и достоинства человека. «Государство — все, вне государства — ничего (или враги)».

4) Преимущество власти перед населением заключается в том, что власть не просто структурирована, но организована, а население — нет. Причем организация власти предназначена для использования насилия, она нацелена на принуждение к выполнению приказов и распоряжений вышестоящих инстанций. У населения же («общества») нет адекватных или вообще каких бы то ни было средств давления на власть, и тем более — инструментов для ее периодической смены. Их не было до революции, в советское время, не появилось и после краха СССР.

Реальная борьба за власть после распада СССР происходила в рамках конфронтации двух фракций распавшейся

¹ Ранние формы протогражданского общества (земство, городское и купеческое самоуправление, дворянские представительства и т. п.) носили преимущественно сословный характер. Может быть, самое успешная в этом плане форма — земство, решающую роль в котором первоначально играло дворянство, землевладельцы, рассматривало крестьянство как объект своего попечения, не входя при этом в противоречие со своими интересами; исполнительная функция принадлежала в нем наемной сельской интеллигенции. Крестьянство как носитель этики материальной справедливости (обеспечения равенства жизненных шансов) разделяло идеи «аграрного коммунизма», в значительной степени если не порожденные, то поддерживаемые консервативной фискальной политической администрации. Никаких ценностей «демократии», «свободы», «прав человека», представительного правления в этой среде не существовало.

номенклатуры: «реформаторов» — «демократов» и либералов, с одной стороны, и «консерваторов», объединявших широкий спектр утративших власть бывших партийных начальников, красных директоров, дискредитированных генералов, мобилизующих социально дезориентированную и люмпенизированную «красно-коричневую» толпу — с другой. Множество мелких и номинальных партий, появившихся в 1992–1993 годах, не должно вводить в заблуждение: структурно все они повторяют композицию «партия власти» (а также ее дубликаты и ближайшие внутристивидовые соперники) и «консервативная оппозиция» (состоящая из «бывших» начальников второго, третьего и уровней ниже).

К концу правления Ельцина это многообразие было сведено до двух провластных образований — ассоциации региональных и отраслевых начальников («Отечество — Вся Россия») и кремлевского проекта («Наш дом — Россия») и их спойлеров: коммунистов и жириновцев. Последовавшее вскоре принудительное (под угрозой уголовного преследования) объединение этих фракций правящей элиты, уже отказавшейся от планов дальнейших реформ, означало восстановление монополии Кремля на выборах и лишение электорального процесса политического смысла. Выборы как процедура сохранились, но стали играть совершенно иную функциональную роль: во-первых, аккламации режима, показной легитимации системы, а во-вторых, вытеснения, дискредитации и уничтожения оппонентов Кремля. Тем не менее внимание демократов к такого рода событиям сохраняется до настоящего времени («а вдруг?», «улица еще скажет свое слово» и т. п.). Дискуссии на тему: что правильнее — бойкот выборов или голосование против (в том числе «против всех»), идут и сегодня. Практического значения они уже не имеют, но позволяют сохранять уважение к себе и некоторую групповую «негативную» идентичность.

Узурпация власти президентом, ставшая возможной благодаря ликвидации многопартийности (или ее види-

мости), началась с уничтожения свободы СМИ в 2000-х годах в ходе боевых действий в Дагестане, а потом — в Чечне, введения цензуры после гибели подлодки «Курск», ликвидации террористов и зрителей на Дубровке, а затем — школьников в Беслане, установления чрезвычайного («контртеррористического») режима на Северном Кавказе, упразднившего правовые механизмы регуляции силовых ведомств в особых ситуациях. Укрепление авторитаризма шло под флагом борьбы с терроризмом, с произволом «региональных баронов» и всевластием олигархов. За отменой выборности губернаторов последовали введение неконституционного института полпредов президента и распределение территорий по укрупненным федеральным округам, что лишило самостоятельности бывшие автономии, «республики» и области. Ельцинский договор между центром и регионами о разграничении полномочий после этого утратил силу. После корректировки «законодательства», то есть приведения региональных законов в «соответствие с федеральными», были запрещены региональные партии, что окончательно добило идею федерализма и низового самоуправления как основу гражданского общества и демократии.

Новые управленческие структуры (институт полпредства, увеличение числа одних ведомств, разделение и слияние других) потребовали, с одной стороны, обновления «кадров» — вытеснения «демократов» силовиками и «технократами», усилий по формированию контингента собственно путинских управленцев, а с другой — выстраивания более жестких административных отношений на всех уровнях. Создание новых управленческих и контрольных органов сопровождалось полным уничтожением политики как собственной институциональной сферы. Ее заменили систематические манипуляции на выборах, введение различного рода фильтров, выдавливание несогласных и оппонентов из списков, отказ в регистрации нежелательным кандидатам. После зачистки кремлевской администрацией информационного пространства и установления

своей монополии над СМИ электоральные манипуляции стали уже сравнительно несложным делом, поскольку у общества не оказалось каких-либо инструментов влияния на власть или критического обсуждения ее действий и эффективности управления. Режим «суверенной» или «управляемой демократии» в сочетании с использованием политической полиции для захвата и перераспределения собственности, установления корпоративного госкапитализма для «своих» вскоре, уже через несколько итераций «электоральных циклов» радикально изменил человеческий, кадровый состав высшего и среднего руководства страны, в меньшей степени — низовой администрации. Отбор кандидатов в структуры управления шел по критерию лояльности к власти, кооптации людей беспрincipальных, без чести и совести, аморальных, а потому — готовых к исполнению любых приказов начальства. Система была предназначена для контроля и консервации, а не для проведения эффективной внутренней и внешней политики, соответственно, компетентность и кругозор чиновников здесь не требовалась и не предполагались.

Опыт поражения в Афганской и чеченской войнах, а перед этим — ресентимент и унижение вследствие радикального сокращения численности кадровых военных после краха СССР и вывода войск из Восточной Европы, развал номенклатурной системы и прочие обстоятельства из того же ряда имели чрезвычайно важное значение для концентрации мстительных по отношению «к демократам» чувств и реакционных настроений в среде чиновников самых консервативных и иерархических институтов — армии, ФСБ, МВД, прокуратуры, судов и им подобных.

Удивительно, но все эти изменения остались незамеченными или, точнее, неосмыщенными российскими либеральными социальными учеными и публицистами. Нельзя сказать, что нарастание реакционности политического класса и базовых институтов носило какой-то скрытый или непубличный характер. Наоборот, все планы и идеологические разработки такого рода были предельно

откровенны. Приведу лишь один пример, но, на мой взгляд, очень выразительный, программы, написанной, видимо, в 2004 году под обоснование реакционного поворота путинской политики¹.

Ее автор, М. Ремизов выделяет «пять регулятивных принципов, специфицирующих позицию идеологического консерватизма на политическом поле современной России:

1. Цивилизационный антиглобализм. <...> в мире конфликта цивилизаций Россия должна быть не частью какого-либо из “лагерей”, но самостоятельной цивилизационной платформой, укрепленной по своему периметру. <...> Фактически это означает запрет на интеграцию России в проекты, центром которых не является она сама, и категорическое табу на дискурс “интеграции в цивилизованный мир”. <...>

2. Экономический солидаризм. <...> безрассудная интеграция в “мировое общество” является путем к дезинтеграции собственного общества: происходит углубление сырьевой специализации, деиндустриализация, фрагментация региональных экономик, сегрегация страт, люмпенизация широких слоев “незанятого” в “экономике трубы” населения. <...> Консервативная реакция — ставить на воссоздание государства как метакорпоративной системы, в которой будет обеспечена а) координация политэкономических элит под знаком общегосударственных интересов, б) исключительная солидарность бизнеса и власти с собственным населением. На том единственном основании, что это соотечественники. Фактически консервативная позиция сводится к отстаиванию страны-системы (а не “миросистемы”) как базовой единицы экономической эффективности. Конкретные следствия этой позиции выра-

¹ Ремизов М. Консерватизм // Мыслящая Россия: картиография современных интеллектуальных направлений. М.: Наследие Евразии, 2006. С. 117–140. Позже автор станет Президентом Института национальной стратегии (в 2005 году), членом Экспертного совета при Правительстве РФ и членом Военно-промышленной комиссии при Правительстве РФ, ведущим телевизионной программы и т. п.

зимы в трех простых лозунгах, которые могут правильно действовать только вместе: *протекционизм для бизнеса, занятость и социальные права для населения, национальное достояние (недра, инфраструктурные монополии)* — в руках государства.

3. Демографический национализм. Консерваторами в России являются те, кто видят серьезную проблему а) в инородной иммиграции (инородной — по отношению к русским и другим коренным народам России), б) в разделенном положении русской нации на постсоветском пространстве, т. е. в наличии “чужих” внутри страны и “своих” за ее пределами. Консервативный подход к этой двуединой проблеме может быть выражен тремя словами: *репатриация против иммиграции*. <...> предпосылки гражданственности для консерватора лежат в национально-культурной сфере. <...> чтобы у отдельных индивидов была возможность примкнуть к “государствообразующей” идентичности, подавляющее большинство населения должно усваивать ее по факту рождения.

4. Государственный легитимизм. Консерваторы убеждены, что основанием целостности России является историческая преемственность, связывающая воедино все исторические формы российской государственности, независимо от государственного строя и формы правления. Эта позиция имеет несколько прямых следствий. Во-первых — отрицание либерально-демократической трактовки России как нового государства-нации. Во многом именно эта трактовка является предпосылкой политики интеграции России в евроатлантические структуры. Во-вторых — недопущение сепаратизма и “договорного федерализма”, то есть модели, в которой федеративное государство рассматривается как “учрежденное” субъектами федерации. В нашей истории самоуправляющиеся территории суть производные от государственной целостности, а не наоборот. В России нет других государств, кроме России. В-третьих — асимметрия в отношениях с постсоветскими государствами. Если Россия не осколок империи, а

ее преемник — независимо от размеров, — то она не является образованием того же порядка, что сопредельные с ней государства, возникшие из останков СССР. Именно в качестве наследника империи Россия может быть центром постимперского «большого пространства».

5. Религиозный традиционализм. <...> сегодня не столько государство нужно церкви, сколько церковь государству. <...> Во-первых — для оформления его идентичности в истории. <...> именно религиозная картина мира задает ту систему координат, в которой возможна цивилизационная самостоятельность России. Во-вторых — для легитимации власти. Суверенная власть — это власть над жизнью и смертью. Чтобы действовать, она должна считаться праведной с точки зрения вероисповедных традиций данного общества. В-третьих — для социализации граждан. Социальные институты традиционных религий восполняют вакuum доверия в обществе, дефицит первичных социальных связей и поведенческих эталонов. <...>

<...> чем отличается “новый консерватизм” от “патриотизма девяностых”? Прежде всего — тем, что он включил данные политические принципы в контекст мировоззрения — целостного, разработанного, резистентного к критике, имеющего экзистенциальное и социологическое измерение. <...> консерватор превращает патриотизм в динамический источник политических ценностей и “трансцендентальное” основание политических институтов. <...> Для консерватизма <...> связь человека с его “толосом”, связь общественного порядка с местоположением, связь закона с отечеством является системообразующим началом.

Отсюда должна быть ясна оптимальная для консерватизма модель его соотношения с оппонентами. Их существование на политическом поле признается нормальным и необходимым при условии того, что они принимают политический патриотизм как пусть внешнюю по отношению к их собственному мировоззрению, но непререкаемую рамку. Патриотический консенсус должен быть

вшит в систему институтов и механизмы внутриэлитной ротации. Таким образом, функционально консерватизм отвечает не столько за “стабильность”, сколько за “целостность” и идентичность государственно-политической системы. <...> в современном российском либерализме он [консерватизм. — Л. Г.] вынужден видеть не оппонента внутри общей социально-культурной, социально-политической системы, а “антисистему”. <...> Идея “антисистемы” [рожденная Л. Гумилевым. — Л. Г.] получает развитие у Игоря Шафаревича в концепции “малого народа”, которая была прочитана как “абсолютно антисемитская” — не только оппонентами, но и многими сторонниками — и из-за этого не понята по существу. “Антисистема” не тождественна “диаспоре”. Понадобилось немало лет, чтобы отделить в этом феномене социологическую проблему от этнической» <...> “общество”, причем в первую очередь его образованные слои, является значительно более консервативно настроенным, чем “власть”. “Консервативно” — и в смысле приверженности тому, что называют “традиционными ценностями”, и в смысле приверженности перечисленным параметрам консервативного политического курса. Как следствие, именно создание активной консервативной общественной среды — в информационно-политической, культурной, правозащитной, экономической сфере — является наиболее органичной формой наращивания влияния.

Эта стратегия, ставящая на передний план не пресловутое “взятие власти”, а создание структур гражданского общества и завоевание культурной гегемонии»¹.

Таким образом, перед нами ясный и четко изложенный хорошим литературным языком идеологический манифест или программа, которая в своих принципиальных моментах (не лексикой) полностью повторяет доктрину фашизма: тотальное государство, базирующееся на силовых и милитаристских институтах, основанное на антилибе-

¹ Ремизов М. Указ. соч. С. 132–140.

рализме и официальной исторической мифологии — традиционных ценностях имперского национализма (исторической или «трансцендентальной» почвы), тотальной пропаганды и полного подчинения общества (гражданского общества), принудительной и закрытой культуры, принуждения к лояльности или молчанию оппонентов, экспансии на территории государств, которые раньше входили в состав СССР, отказ им в суверенитете и самостоятельности. Разумеется, это не единственный и тем более не директивный «вариант» идеологии путинского режима. Можно привести целый ряд других «проектов» такого же рода — «православно-монархического возрождения России», как это предлагал директор РИСИ, генерал-лейтенант ФСБ Л. Решетников или «евразийство» А. Дугина, главного редактора телеканала «Царьград» и т. п. Путинизм довольно эклектичен, допуская различные версии или ходы в обосновании формирования «великой державы». Мне важно в данном случае подчеркнуть, что это не просто пустые декларации отдельных «идеологов» и «философов», а программы деятельности информационно-аналитических и проектных центров при Администрации президента и правительства, что они задают тон и обоснование для всех остальных управлеченческих, масскоммуникативных, репрессивных и образовательных институтов в России¹. Собственно, это и есть элемент той организационной системы тоталитаризма, которая обеспечивает управление массовой покорностью. При этом совсем не обязательно быть убедительным, достаточно быть *единственной допустимой публично идеологической позицией*, делающее все прочие позиции незначимыми, вытесненными из сферы коммуникаций, а значит — и из массового сознания.

¹ Тот же Институт национальной стратегии публикует целый ряд изданий: «Концепция патриотического воспитания в современной России: историческая память и гражданское самосознание» (2014); «Неединая Россия: доклады по этнополитике» (2016); «Россия в Арктике» (2015) и прочую свою идеиную продукцию. ИНС, как и десятки других «независимых интеллектуальных центров», фондов, институтов при Администрации президента, обеспечивают бюрократию, как в советское время, агитпроповскими материалами.

Гратификация сервильности предполагала негласное разрешение или терпимость к коррупции, поощрение рэкета среднего и мелкого предпринимательства, установление систематических аффилированных связей с паразитирующим на госбюджете крупным бизнесом. В итоге спустя 15 лет сложилась полузакрытая социальная среда, в которой имело место сращение чиновничества, депутатского корпуса, силовиков, судейских и зависимого от них бизнеса. Циркуляция кадров происходила по замкнутой схеме: чиновники, получавшие или имевшие свой бизнес или долю в бизнесе, с течением времени становились депутатами (региональных законодательных собраний, Федерального Собрания), приобретали не только активы, но и правовой иммунитет от уголовного преследования, а затем либо продвигались вверх в бюрократической иерархии, либо возвращались в бизнес, обогащенные связями с различными распорядителями властных и экономических ресурсов. Таким образом, возникло новое социальное образование, которое условно можно назвать «путинским политическим классом». Спленченность этого класса обеспечена внутрикорпоративной солидарностью интересов, цинизмом и презрением к населению, а также страхом перед вышестоящими органами. Последнее обстоятельство достаточно важно в «экологическом» плане господства: традиционный механизм предотвращения априоризации социальных позиций предполагает практику периодических чисток и санкций против отдельных лиц или группировок — аресты и судебные дела против высокопоставленных чиновников, прокуроров, сотрудников следственного аппарата или таможенной службы (можно указать на примеры А. Хорошавина, В. Гайгера, А. Улюкаева или не столь высокопоставленных — Д. Захарова, Д. Сугробова и сотен других, на следующих или нижних уровнях власти — региональных руководителей департаментов, начальников силовых структур, надзирающих над местными «группами интересов»), против мэров крупных городов, особенно тех, кто не был назначен Администрацией президента, а

победил на выборах от «оппозиции». Подобные практики хорошо описаны и проанализированы профессором Н. Петровым и аналитиками фонда «Петербургская политика»¹.

Выстраиваемая вертикаль власти привела к полной стерилизации заявленных, но не реализованных институтов российской демократии — социальных механизмов и возможностей презентации общественных интересов (отказ в регистрации и прессинг некремлевских политических партий, подавление организаций гражданского общества), созданию системы административного, *внеправового* надзора на сферой экономики, цензуры, образования, интервенций в вопросы культуры, а значит — к уничтожению самих механизмов репродукции политической системы, прекращению циркуляции элит, замене ее процедурами кооптации, а следовательно, и консервации действующей власти.

Наблюдая на протяжении последних 10-12 лет подобные изменения в политической системе, российская демократическая общественность возмущалась, но расценивала эти явления как «случайные», «неправильные», как отклонения от должного хода вещей, не понимая самой логики процессов реверсного социально-политического движения, в том числе — нарастающего идеологического традиционализма. Полностью закрытым для понимания нашей образованной публики оказалось то, что «все более суверенная» вертикаль административной и репрессивной власти неизбежно *вынуждена будет* апеллировать к прошлому, к пантеону героизированных и икононизированных властителей, тиранов и советских или царских военачальников, используя победные темы имперской, ци-

¹ Петров Н. В. Путинская перестройка // Ведомости. 22.08.2017. URL: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/08/23/730610-putinskaya-perestroika;_Ego_jse. Репрессии стали механизмом контроля элиты // Ведомости. 30.08.2017. URL: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/08/30/731537-repressii-kontrollya-eliti;_Ego_jse. Методы репрессий отрабатываются в регионах // Ведомости. 05.09.2017. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/09/06/732503-metodi-repressii>.

вилизационной и расово-племенной мифологии для легитимации своей иерархической структуры. «Вертикаль» — по своей семантике и логике — не имеет других оснований для оправдания и условий своего признания, кроме фиктивного прошлого — величия целого, символов «государства», стоящих над всеми ценностями частной или повседневной жизни, другими институтами, которых она лишает автономности и собственного смысла существования. Обращение к архаике должно девальвировать или стерилизовать ценности личности и человеческого достоинства, свободы отдельного человека, его права, возвышая в глазах подданных статус правителя этого государства, хранителя духовных традиций и жизненных сил «народа», воплощение «симфонии власти и народа», государства как своего рода церкви или квазитеократического образования.

Первый значительный опыт сохранения власти у номинального лидера («Путина») был произведен в ходе инсценированных выборов сменщика президента в 2007 году и в повторении этой «возвратной передачи власти» — «ротации» 2011–2012 года. Его трудно назвать «удачным», поскольку эти маневры режима спровоцировали массовые антипутинские протесты в крупных городах. Но так или иначе это произошло. Реакцией режима на эти выступления стало резкое ужесточение репрессивного законодательства, превратившего российскую Конституцию с ее гарантиями прав и свобод российского гражданина в юридическое прикрытие административного произвола. Изменение законодательства усилило влияние ФСБ, генералитета, прокуратуры, Следственного комитета и других тотальных и силовых институтов на политические решения, а значит — и на атмосферу в обществе. Именно эти структуры политической и уголовной полиции, МВД, армии, предназначеннной в первую очередь для экспансионистских и карательных задач, в минимальной степени подверглись реформам в постсоветские годы, стали идеологическими питомниками для взращивания самых реакционных, традиционалистских и антилиберальных представлений. Они

сыграли важнейшую роль в мобилизации антизападных и имперских настроений в обществе в ходе аннексии Крыма, давших мощный толчок реставрации тоталитарных стереотипов и репрессивных институтов, цензуры, пропаганды, но их эффект слабеет по мере исчерпания и рутинизации этих ресурсов, особенно на фоне провала с пенсионной «реформой» в 2018 году.

Усиление прежних силовых институтов (тоталитарных по своим функциям и структуре — ФСБ, армии, МВД, судов, СК и прокуратуры), как и создание новых (Росгвардии, Роскомнадзора, Росфинмониторинга и т. п.) не могло решить проблемы легитимного сохранения персоналистического режима, возглавляемого Путиным. Маневры с «Союзным государством» (планом объединения России и Белоруссии) не имели успеха. Белорусский диктатор ясно понимал, что «интеграция» такого рода приведет к тому, что он лишиться власти с непредсказуемыми для него последствиями. Поэтому нынешний ход Кремля по «обнулению» президентских сроков и введению пожизненного «президентства» Путина выглядит при всей его юридической топорности, грубости и наглости понятным и вполне закономерным.

Выстраивание путинской вертикали власти в первую очередь предполагает уничтожение условий и оснований для низового самоуправления и межгрупповых коммуникаций — базовых принципов демократии. Региональная политика Путина изменила прежде всего финансовые и административные ресурсы местного сообщества. Фискальная политика Кремля сводится к изъятию большей части собираемых на местах налогов (в разных регионах — от 55 до 75%), что практически лишает жителей возможности распоряжаться налоговыми средствами для решения своих социальных проблем. Такое состояние делает местное сообщество безответственным и зависимым от центра, его милости и произвола, создавая условия и для коррупции низового чиновничества и бизнеса, и лояльности населения вышестоящему начальству. Усилия подоб-

ного рода предпринимались и до Путина, ельцинской администрацией, но сами по себе размеры изъятия средств из регионов были существенно меньшими. Концентрация налогов у «центра» позволило правительству бесконтрольно распоряжаться собранными деньгами, одновременно надевая налоговый ошейник на местное сообщество. Это вполне сознательная политика реставрации тоталитаризма. Демократия возникает там, где люди начинают соединять проблемы своей частной повседневной жизни с проблемами многих других людей, что означает зачатки коллективной, а затем и гражданской солидарности, участия и взаимной ответственности. Но все это предполагает установку на понимание других, социальную эмпатию, известную долю альтруизма и доброжелательности.

В нашем случае сверху навязываются и утверждаются как норма совсем другие человеческие свойства и добродетели — агрессивность, ненависть к другим, вызывающие, соответственно, страх и тревожность, недоверие, подозрительность и массовое убеждение в низменных мотивах поведения большинства людей. Эти качества расцениваются как естественные или органические человеческие свойства. Одновременно проводится мысль, что только объединенные в государство, подчиненные государству люди обретают спокойствие, уверенность в себе и других, защиту от врагов и гарантии благополучия в частной жизни, поскольку лишь государство (тотальный аппарат принуждения) в состоянии сдерживать природное зло в человеке. Показательным образом это демонстрирует Путин, что придает действиям официальных лиц характер общезначимости и убедительности.

Можно добавить к этим рассуждениям еще одну простую мысль: социальные институты — это не просто набор социальных ролей, норм, правил взаимоотношений, возникающих неизвестно как, и неизвестно чем поддерживаемых. Институты — это всегда люди, а значит, они обладают собственными интересами, представлениями о должном, правильном и допустимом. Другими слова-

ми, устойчивость (воспроизводимость) институтов, их специфика связаны с соответствующим отбором или, точнее, подбором определенных типов человека. Меня лично больше всего поражает в нынешней жизни не поведение высшего руководства или депутатского корпуса, с ним все более или менее ясно, а «внезапное» появление рядом с Путиным множества демагогов, садистов во всех сферах, относящихся к власти, пропаганде, СМИ, судебной системе и т. п. Речь в данном случае не только о скандалах, вызванных хамскими выступлениями губернаторов или чиновников средней руки, но и о постоянным присутствии в телевизионном и информационном поле ведущих телешоу или приглашенных «экспертов» и «специалистов», вся особенность которых заключается в манере демонстративного и провокационного цинизма, лжи и агрессии, которую сам Кремль до недавнего времени не мог себе позволить. Демагогия этих клакеров теснейшим образом связана с усилиями навязать лирический образ «большой страны», живущей в соответствии с традициями большой семьи, братских отношений, патриотизма и православной духовности. «Уральские пельмени», «Последние герои» и персонажи из «Камеди клуб» здесь легко и очень органично соединяются с «Домом-2» или хорами ряженых казачков, радостных сарафанов и гармошек, с рекламой Газпрома или «Силы Сибири», обобщаемых метафорой России в виде панорамы сельских просторов и сибирских рек. Но ведь этому предшествовал С. Доренко, и пьяный Ельцин, и скандалы с человеком, похожим на генерального прокурора Ю. Скуратова, и раздутая шумиха с «гонорарами» за книгу о приватизации и пр. Другое дело, что тогда подобное воспринималось как нарушение нормы поведения публичных фигур, а сейчас бравада своим цинизмом стала нормой. Дворцы, яхты, активы в офшорах, «пехтинг», покупка должностей, открытая покупка судей, особенно — судей высшего уровня, раздача бюджетных денег приближенным — все это лишь фон нынешней правящей элиты, поведение которой мало чем отличается от поведения дру-

гих тоталитарных или авторитарных «национальных лидеров» и их окружения.

Вместе с тем вряд ли стоит удивляться тому, что люди не чувствуют своей ответственности за положение дел там, где они живут, испытывают отчуждение, если не отвращение к «политике» и к политикам. Воспроизведение лояльности и государственного патернализма (резидуумов социалистической идеологии и советских практик) носит принудительный характер и никак не связано с вменяемой русским «генетически обусловленной» культурой «верноподданничества» и архетипами крепостного холуйства. Такие качества — следствие вынужденной адаптации, подобные нормы поведения навязываются существующими институтами населению в качестве образцов коллективной социализации.

Собственно, именно эти изменения и были предметом особого внимания моих исследований в последние годы, уже после смерти Юрия Александровича Левады. Я считал себя обязанным продолжать в меру своих возможностей ту работу, которую он считал первостепенно важной. Не мне судить, насколько это удалось.

Книга состоит из трех разделов.

В первом разделе **«Технология массовой консервативной мобилизации»** рассматриваются условия и события, предшествовавшие крымской эйфории 2014 года, и последующий спад массового возбуждения.

Второй раздел **«Институциональные и культурные ресурсы регенерации репрессивного социального порядка»** включает в себя материалы двух видов: во-первых, те, в которых анализируются символические ресурсы путинского режима, механизмы, обеспечившие не только мобилизацию, но и процессы авторитарной регрессии: общественную пассивность населения, представления об «истории» и культурном времени посттоталитарного общества, динамику и функции мифов о революции, о Сталине, природу деморализации человека в тоталитарном и посттоталитарном государстве, а во-вторых, взаимо-

отношения населения с институтами насилия, порождающие «выученную беспомощность» и покорность. Здесь же представлены работы, в которых анализируется причинные взаимосвязи между социальной структурой российского общества и ограниченной социальной и интеллектуальной вменяемостью, а значит — дееспособностью россиян в общественно-политическом пространстве.

Третий раздел «**Возможности диагноза**» посвящен теоретической проблематике рецидива тоталитаризма в России и сложностям осознания этого процесса, его последствий, а также левадовской концепции «советского человека» как условия воспроизведения государства насилия.

Первоначально я хотел придать книге более систематический вид, протянув по мере возможности ряды данных до самого последнего времени. Но со временем вынужден был отказаться от этого намерения. Невозможно переписать заново статьи, написанные не только под действием внутренней логики перехода от одной проблемы к другой, возникающей в ходе исследований, но и под влиянием определенных внешних моментов: событий общественной и политической жизни последнего десятилетия — времени общественной реакции и поражения. Точно так же я свел до минимума все усилия устраниить неизбежные повторы приводимых в таблицах материалов социологических опросов. Интерпретация одних и тех же данных все равно строится под другим углом зрения, поскольку при этом устанавливаются новые связи с иными факторами и обстоятельствами, другими концептуальными подходами и положениями.

Мне кажется, возможно, я и ошибаюсь, что эти тексты будут интересны не сейчас, а позже, тем, кто в будущем захочет понять логику социальных процессов эволюции тоталитарных режимов. Я думаю, они будут по-иному, другими глазами смотреть на наше время, они будут свободны от наших иллюзий, а кроме того, будут знать, что произошло с нами, то, чего мы сейчас не можем видеть — последствия событий, которые мы переживаем сейчас.

Мелкие покусывания в прессе, оставшейся приличной, или яростная ругань нынешней власти в соцсетях ничего не меняют в характере понимания ее социальной основы и природы ее массовой поддержки. Пока не созреет потребность в более глубоком понимании социальной и культурной системы общества, не способного освободиться от своего тоталитарного прошлого, не имеющего ни моральных, ни интеллектуальных средств и сил, надежд на то, что Россия может стать «современным» и «гуманным» обществом и правовым государством, нет. Не случайно, самые глубокие социологические работы о реверсном движении страны, а к ним я отношу в первую очередь работы Ю.А. Левады, остались непонятыми или даже вовсе непрочитанными. Большинство нынешних читателей довольствуется не отрезвляющей социальной диагностикой, а «словесной кашкой».

В заключение я хотел бы поблагодарить всех, кто помогал мне в работе над этой книгой — моих коллег по работе Н. Зоркой, Е. Кочергиной, В. Михалёвой и А. Рысёвой и мою жену, терпеливо читавшую разные варианты этих статей и высказывавшую свои редакторские замечания и соображения по их улучшению. Особая благодарность Д.Б. Зимину и Фонду «Либеральная миссия», И.Д. Прохоровой. И, может быть, самое главное — я хочу выразить свое признание и восхищение всем сотрудникам «Левада-Центра», этому уникальному в человеческом плане коллективу, без усилий и работы которого сами эти исследования были бы невозможны.